

«Гвозди бы делать...»

Открытое письмо
офицеру госбезопасности
А. П. Сивцу
по поводу интервью
о ночных сторожах
«ТМ-экспресс» № 38
от 21 сентября.

ВОТ И ОПЯТЬ, десятилетие спустя, беседуя с вами, Анатолий Петрович, — теперь уже на странице газеты.

Многое изменилось за эти годы. Здание на Кирова, 18, из приятно-розового стало серовато-стальным, оделось по цоколю в гранит. Перемоглись «на разных работах», отсидели свое и теперь ищут справедливости или на все махнули рукой те, кого вводили некогда в высокие черные двери.

Да, много воды утекло с тех пор. В том числе той, обской, что уносила из Колпашевского яра в мае 79-го дважды оскверненные и изуверенные тела убитых «врагов» — стариков и женщин.

Хороший, как будто, вы человек, Анатолий Петрович, да как-то не хочется говорить с вами на эти темы. Как не хотелось и в 80-м — «из морально-этических соображений». Вы, помню, сильно обижались на меня — мол,

действую по изъятой вами инструкции НТС, запираюсь, тогда как все друзья чистосердечно признались в содеянном.¹ Это у вас в конторе прием такой — поспорить людей на следствии и «крутить» поодиночке. А ведь тогда мы были с вами в чем-то на равных. Вы, Анатолий Петрович, будто бы не знали о преступлениях сталинизма («размахе репрессий», как деликатно выразились вы в интервью), о крепчающем вокруг брежневского маразма. А я как бы не ведал, кто изготовил и распространил, кроме меня самого, «материалы, порочащие советский общественный и государственный строй» (УК РСФСР ст. 190-1). Те самые, что в поте лица чуть ли не сутки изымала перекопавшая всю теплицу бригада оперативников.

Потом, так и не поняв друг друга, мы разошлись — каждый в свою сторону. Я — укладывать

железобетон, ковырять землю в траншеях, кочегарить, лить битум на прохудившиеся кровли. Бы — расширять сеть осведомителей, вести «профилактическую» работу, готовить новое дело — на Ковалевского, Кенделя и Чернышева.

По всему городу тогда на заводах, в Доме политпроса, в студенческих общежитиях неприятные, но знающие свое дело люди в штатском либо сами читали лекции, либо инструктировали лекторов, как бороться с местными идеологическими диверсантами. Призывали к бдительности и сотрудничеству с чекистами.²

А за мной не прекращалась слежка. Устраивались провокации.³ Задержали в турпоходе на Алтае...⁴ попытались навязать нелепое уголовное дело о вооруженном нападении на вахтера ГРЭС-II.⁵ прочее, прочее.

Годы шли восьмидесятые, проклятые, и комитет гвоздил и гвоздил «кому в лоб, кому в бровь, кому в пах, кому в глаз», уже почти не разбирая, кто и в чем виноват. Добывали последних правозащитников — тех, кто уже вышел, «отмотав» полной мерой свои 5 и 7 лет. Заводили дела в зонах на недосидевших, добавляя еще, а когда и еще по разу. Круто перешли к физическому террору.

Мы не знаем инструкций (да и были ли они в эпоху «телефонного права»), которые обрекали на гибель Анатолия Марченко, Василия Стуса, Марка Морозова, искалечили жизни сотен и сотен людей. Насилие и издевательство над заключенными в политзонах

70—80-х годов, по воспоминаниям самих лагерников, часто превосходило даже то, что практиковалось в «период репрессий». Пытки холодом и голодом, заведомо обрекающее человека на смерть «лечение», избиения — в том числе женщин — вздергивание на дыбу в наручниках. У других заживо сгноили душу и тело в «спецпсихушках». На чьем они счету? Минздрава, что ли?

И при этом лгали. Из года в год, из десятилетия в десятилетие. «Наверху» и в провинции. В последнее время как плотину прорвало — публикации одна за другой в областной печати. О единстве органов с народом, о бдительно стоящих на страже законности чекистах, о помощи «мемориальцам»...

Вот и вы, Анатолий Петрович, не удержались, слухавили. И тон выбрали соответствующий — как будто задушевный, мягкий. Прошлись несправедливо по Казаркину, преподавателю университета, Погоцкому, выгнанному с работы во время следствия, исторiku Серебренникову, которого «достали» уже в 85-м, «перестроенном» году, определив в криминальное отделение томской психушки, где он едва не погиб от усиленной «заботы». Тоже Минздрав или общественность виновата?

И обо мне что-то несуразное... «Добровольно отошел от общественной и научной работы»? «Духовный кризис выбил меня из седла»? А о своей загубленной душе вы подумали, или думать об этом не положено вам по должности? В какое ж «седло» вы были вбиты намертво, как гвоздь

(«гвозди бы делать из этих людей»), что проскакали жизнь, и краем глаза не взглянув на тех, кто корчился под копытами, — Фаста, Арцимовича, Ковалевского, Кенделя?..

Не по московскому же габз шел надзор за политссыльными в нашу область в последние годы. Вспомните о загнанном на лесоповал в парабельскую тайгу 60-летнем украинском правозащитнике Левко Лукьяненко. Вспомните поставленного после операции на тяжелую физическую работу в Кривошеине католического священника Сигитаса Тамкявичюса. Когда его отпустили, ведь это ваш оперативник сулил ему скорое возвращение сюда вместе со всем литовским народом.

А «тепличное дело» — что ж, ни приуменьшить, ни приувеличить его ни вы, ни я уже не в силах. Но приговор по нему все же состоялся. Смертный. Тем книгам, что были для нас тогда как причастие. Приговор Платонову, Солженицыну, Кестлеру, Домбровскому, Оруэллу — ведь это тоже ваши жертвы, Анатолий Петрович.

Не нас обокрали вы — свой народ, и себя в том числе. А теперь — да что теперь-то остается...

Станислав БОЖКО.